

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

А. В. Малинов, И. Ю. Пешперова

НЕЗАБВЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ (В. И. Ламанский и И. И. Срезневский)¹

Становление преподавания славянских языков и изучения славянства в Петербургском университете связано с именами Измаила Ивановича Срезневского (1812–1880) и его ученика Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914). Лекции Срезневского, которые довелось слушать Ламанскому во время обучения в университете (1850–1854), предопределили его путь в науке. По словам П. А. Лаврова, «от И. И. Срезневского В. И. почерпнул живое одушевление и интерес к современному славянству и его историческим судьбам»². В 1865 г. Ламанский вернулся в университет уже в качестве преподавателя. За долгие годы преподавания (до 1899 г.) ему удалось создать собственную научную школу. Отношения Ламанского к своему учителю не оставались неизменными, но чувство глубокого уважения к нему он сохранил на всю жизнь.

Первое упоминание Ламанского о Срезневском относится к началу его обучения в университете. 9 октября 1850 г. в письме к своему гимназическому другу Михаилу Устиновичу, учившемуся в то время в Харьковском университете, он упоминал, что «самый любимый мой профессор – это Срезневский. К нему я хожу и на второй курс, где он читает или лучше мы (потому что он так любезен, что и меня спрашивает, т. е. просит переводить) читаем Краледворскую рукопись или собрание древних чешских стихотвор[ений], памятников IX–XIV вв., найденную Ганкою в гор. Кеннехофе в старой башне между разным хламом. Язык их очень лёгкий и в то время вообще все слав[янские] наречия мало различались между со-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант № 16-03-00450).

² *Лавров П. А.* Владимир Иванович Ламанский. Некролог // Отчет о состоянии деятельности Императорского Петроградского университета за 1914 год. Пг.: Типография Б. М. Вольфа, 1915. С. 12.

бою. В первом же курсе он читает 1 раз в нед[елю] Ис[торию] слав[янских] яз[ыков], где мы разбирали одно место Остромирова Евангелия; а другой раз – обозрение славянских наречий. Этот курс состоит в следующем: О славянских племенах и народах (в отношениях историческом, религиозном и политическом). Основные черты слав[янских] наречий. Филологический обзор вообще всех слав[янских] языков и характеристика каждого языка порознь. Представивши обзор славянск[их] народов, он приступил к языкам историческим и критическим обзорам замечательных учёных в филологии общей и преимущественно славянской. Из русских он преимущественно расхваливал Павского и Буслаева»¹. На первом курсе Ламанский слушал лекции Срезневского по церковно-славянскому языку, курс «Обзор славянских наречий» и ходил на занятия к второкурсникам, у которых профессор вел предмет «Чтение образцов славянских наречий». Здесь изучали «Краледворскую рукопись» и чешских поэтов Я. Коллара и Ф. Челяковского. На втором курсе Ламанский занимался у Срезневского преимущественно чешским языком и литературой, в частности, по настоянию учителя, «Краледворской рукописью». Это был сознательный выбор, поскольку как признавался Ламанский: «Этот язык важен и в том отношении, что первые славянисты, и главные двигатели славянищины – суть чехи; теперь первое место в славянской филологии, после нашего русского учёного Востокова, занимает Иосиф Шафарик, а в отношении славянской археологии и древностей, он первый в Европе»². В письме к другу Ламанский давал следующую характеристику преподавания Срезневским чешского языка: «Надо тебе заметить, что он читает прекрасно, к объяснению слов чешских и преимущественно древних чешских обыкновенно обращается к языку простого народа, который и которого он изучал и любит, как мне кажется, по крайней мере»³. 26 ноября 1851 г. в письме к тому же адресату он восклицал: «Срезневский 2 раза в неделю, ужасно мало времени! По понедельникам читает Слав[янские] древн[ости], по этой части я читаю Шафарика – Slov[anské]. Starož[itnosti] Чудная вещь!, а по средам читает памятники древнего польск[ого] яз[ыка]»⁴. В этом же письме он упоминает, что через Срезневского получает для работы книги из библиотеки Академии наук. В следующем году Ламанский также слушал курс «Славянские древности», что видно из письма 8 декабря 1852 г. «Срезневский читает два раза в неделю Слав[янские]

---

¹ СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 3 об.

² Там же. Л. 17 об–18.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 6 об.

древности, – писал он М. Устиновичу, – курс их состоит из двух частей: 1) Географико-историческое описание славян до 12 стол.; 2) Этнографическое опис[ание]»¹.

Уже в конце первого курса молодой студент столкнулся с «теневой» стороной академической жизни. В письме он не приводит конкретных фактов, но становится понятно, что речь идет о любимом учителе. «Я прежде думал, – писал Ламанский 25 марта 1851 г., – что учёные живут между собою дружно и что вообще у них больше единодушия. Нет, живут дружно одни немцы-учёные и вывозят друг друга на всякий манер, во вред русским... Когда я говорил об интригах между учёными, то имел в виду одного профессора, очень уважаемого мною, именно Срезн[евского], который, кажется, более лицо страдательное; впрочем, этого я хорошо не знаю. Студенты, да и многие другие называют его страшно учёным, но бездарным, оттого что он много занимается. Прямо лакейское суждение: много что-то занимается, верно, плохо понимает, в толк не берёт»². 30 июня 1851 г. в очередном письме он вновь дает восторженную характеристику И. И. Срезневскому, замечая, что он «необыкновенно остроумный»³.

Ламанский достаточно рано стал проявлять самостоятельность в суждениях и критически относится к преподававшим профессорам. По мере выработки самостоятельного мировоззрения и собственных точек зрения на славянство, он стал придирчивее относиться и к своему учителю. Еще в ноябре 1851 г. (26 ноября) в письме гимназическому другу он писал о разногласиях с Срезневским по поводу датировки Переяславской рукописи⁴. Ламанский упоминал о «горячем разговоре», «где я сказал может быть много лишнего»⁵. В дневнике, датированным 8 февраля 1854 г., т. е. на последнем курсе университета, записи, относящиеся к Срезневскому уже вовсе лишены ученического пиетета. О Срезневском он пишет в таких выражениях, как «голова едва ли не бездарной» и «переливать из пустого в порожнее (как постоянно делает Срезневский, когда рассуждает)»⁶. Приведу еще одну черту Срезневского уже из письма ученика Ламанского А. С. Будиловича, отправленного из Санкт-Петербурга 19 сентября 1868 г. в Венецию, где в то время Ламанский ра-

---

¹ Там же. Л. 50 об.

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Л. 46 об.

⁴ В. И. Ламанский – М. П. Устинову 26 ноября (8 декабря) 1851 г. Петербург // Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 3–4.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 76. С. 4.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 69 об.

ботал в архивах. Антон Семенович Будилович был одним из первых учеников Ламанского и впоследствии стал крупным ученым-славистом, ректором Варшавского и Дерптского университетов. А. С. Будиловича можно назвать не только учеником, но и единомышленником Ламанского, разделявшим его славянофильские убеждения. В письме А. С. Будилович сетовал на трудность общения с Срезневским, требовавшего, чтобы студент оставил частные уроки. «Он уверен, – писал А. С. Будилович, – что студенты могут жить на 12–16 р., а своим детям 25 р. стипендии назначает. Да и говорить с ним трудно – всему перечит – и не для чего»¹.

Вероятно, при рассмотрении выпускного сочинения Ламанского о языке «Русской правды», представленной на золотую медаль, Срезневский не поддержал своего ученика. Ламанский получил серебряную медаль, вместо ожидаемой золотой и после окончания университета поступил на службу. Однако в 1859 г. именно Срезневский инициировал представление книги Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» на присуждение Демидовской премии Академией наук, а затем рекомендовал своего ученика на должность профессора в готовящийся к открытию Новороссийский университет. С подачи декана истории-филологического факультета Срезневского в апреле 1865 г. Ламанский был принят доцентом на кафедре славянской филологии.

До конца жизни Ламанский считал Срезневского своим учителем, хотя и признавал за ним ряд заблуждений и ошибок, которые необходимо преодолевать. Ламанский, в частности, был одним из главных критиков подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей², посвятив доказательствам их подложности неоконченную статью «Новейшие памятники древнечешского языка»³, в кото-

---

¹ СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 12.

² *Лавров П.А.* Владимир Иванович Ламанский. С. 16–18; *Лантева Л.П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи и их оценка в России XIX и начала XX вв. // *Studia slavica*. 1975. № 21. С. 67–94.

³ *Ламанский В.И.* Новейшие памятники древнечешского языка // Журнал министерства народного просвещения. 1879. Январь. С. 131–160; *Ламанский В.И.* Новейшие памятники древнечешского языка // Журнал министерства народного просвещения. 1879. Февраль. С. 311–366; *Ламанский В.И.* Новейшие памятники древнечешского языка // Журнал министерства народного просвещения. 1879. Март. С. 118–159; *Ламанский В.И.* Новейшие памятники древнечешского языка // Журнал министерства народного просвещения. 1879. Апрель. С. 247–276; *Ламанский В.И.* Новейшие памятники древнечешского языка // Журнал министерства народного просвещения. 1879. Август. С. 1–33; *Ламанский В.И.* Новейшие памятники древнечешского языка // Журнал министерства народного просвещения. 1880. Июнь. С. 312–353.

рой критиковал и взгляды Срезневского, не решившегося признать их за фальсификации. Своему учителю Ламанский посвятил цикл статей «Непорешенный вопрос»¹, написанных в 1868 г. в Венеции, в которых обосновывал возможность русского языка стать общеславянским научным, литературным и дипломатическим языком. Срезневский высоко оценил статьи Ламанского и предложил представить их в Совет историко-филологического факультета в качестве докторской диссертации. В 1878 г. в «Протоколах заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета» была опубликована его «Записка об ученых трудах И. И. Срезневского»². «Записка...», подготовленная к конкурсному переизбранию Срезневского, была краткой и носила несколько формальный характер. Ламанский понимал, что значение Срезневского как ученого, преподавателя и даже администратора (декана историко-филологического факультета) очевидно, и не нуждается в дополнительных аргументах, которые могут быть восприняты как оправдание. В несколько торжественном тоне Ламанский говорил о Срезневском, как об одном «из первых счастливых насадителей Славистики в России»³ и признавал, что он «завоевал... почтеннейшее место славянского подвижника, истинного столпа и заслуженного ветерана Славяноведения»⁴. Работы Срезневского, писал он, «отличаются богатством новых данных, внимательностью и тонкостью наблюдений, строгостью и точностью анализа, словом всеми достоинствами, которые справедливо ему стяжали славу первоклассного ученого исследователя в России и за границею»⁵. На смерть Срезневского Ламанский откликнулся некрологом⁶, а позднее опубликовал и небольшое исследование о нем⁷. В издававшемся Ламанским этнографическом

---

¹ Ламанский В.И. Непорешенный вопрос (И. И. Срезневскому) // Журнал министерства народного просвещения. 1869. № 1. С. 122–163; Ламанский В.И. Непорешенный вопрос // Журнал министерства народного просвещения. 1869. № 6. С. 349–378; Ламанский В.И. Непорешенный вопрос // Журнал министерства народного просвещения. 1869. № 7. С. 84–378.

² Ламанский В.И. Записка об ученых трудах заслуженного ординарного профессора и декана Историко-филологического факультета И. И. Срезневского // Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за вторую половину 1876–1877 с приложением. № 16. СПб., 1878. С. 56–57.

³ Там же. С. 56.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 57.

⁶ Ламанский В.И. Некролог И. И. Срезневского // Новое время. 1880. № 1421.

⁷ Ламанский В.И. Измаил Иванович Срезневский (1812–1880). М.: Синодальная типография, 1890. 41 с.

журнале «Живая старина» он публиковал материалы и письма Срезневского¹.

Срезневский не примкнул к славянофильскому движению, но, вероятно, сочувственно относился к философским увлечениям Ламанского. По крайней мере, Ламанский воспринимал украинофильство 1840-х гг., которому симпатизировал И. И. Срезневский, как одну из разновидностей славянофильства. Он, в частности, отмечал, что «как и во всякой школе и в новом направлении, в ней были две стороны: здоровая, вечно живая и односторонняя, преходящая. Отличавшая ее горячая любовь к народности и родной старине воспитывала в представителях и приверженцах школы понимание и ревностное изучение народной речи, поэзии, уважение к народной жизни, ее правам и свободе, но эта же любовь нередко выражалась в односторонних, болезненных увлечениях, неизбежных впрочем спутниках всех новых, самых даже плодотворных, направлений в литературе, науке, жизни»².

Можно предположить, что приемы и методы исследовательской работы, воспринятые у Срезневского, Ламанский использовал в преподавании славистики следующим поколениям ученых. Однако между учителем и учеником было и серьезное расхождение в понимании славяноведения как науки. Ламанский меньше внимания уделял славянской филологии, отдавая предпочтение славянской истории. В основе его подхода лежали идеи славянофилов. Именно опора на славянофильскую философию позволила Ламанскому выработать широкий взгляд на славянство, его культурную специфику

---

¹ Путевые письма и заметки И. И. Срезневского о сербо-лужицанах. 1840 г. // Живая старина. 1890. Выпуск I. С. 84; Сербо-лужицкий народный каледарь (Из бумаг И. И. Срезневского) // Живая старина. 1890. Выпуск II. С. 55–57; Сербо-лужицкие народные поверья (Из бумаг И. И. Срезневского) // Живая старина. 1890. Выпуск II. С. 57–62; Путевые письма И. И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) (предисловие и примечания В. И. Ламанского) // Живая старина. 1892. Выпуск I. С. 49–77; Путевые письма И. И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) // Живая старина. 1892. Выпуск II. С. 27–70; Путевые письма И. И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) // Живая старина. 1892. Выпуск III. С. 43–105; Путевые письма И. И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) // Живая старина. 1893. Выпуск I. С. 20–63; Путевые письма И. И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) // Живая старина. 1893. Выпуск II. С. 139–179; Путевые письма И. И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) // Живая старина. 1893. Выпуск III. С. 330–373; Путевые письма И. И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839–1842) // Живая старина. 1893. Выпуск IV. С. 462–506.

² Ламанский В.И. Измаил Иванович Срезневский. С. 6.

и исторические судьбы. «Школу Ламанского» нельзя отнести только к филологии или даже только к истории. Это был цивилизационный подход в славистике.